

А. Н. Марченко*

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНСТИТУЦИИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Статья посвящена сущности экономической формации Третьего рейха. Анализируются различные научные гипотезы относительно организации экономики нацистской Германии.

Ключевые слова: экономическая конституция, социализм, картелизация, «командный капитализм», империализм, личная зависимость, вещная (экономическая) зависимость, «право силы», «право формального равенства», буржуазные права и свободы, индустрия

This article is devoted to the essence of Third Reich economic structure. Analysis of different scientific hypotheses about organization of economy of Nazi Germany is conducted.

Key words: economic constitution, socialism, cartelization, «command capitalism», imperialism, «leibseigener», economic coercion, equality before the law, industry

Экономическая составляющая нацистской диктатуры привлекает внимание исследователей с самого ее появления. Экономика Третьего рейха позволила нацистам не только развязать Вторую мировую войну, но и вести ее на протяжении почти шести лет с такой интенсивностью, что ее последствия до сих пор потрясают воображение. Борьба за мировое господство требовала от Германии соответствующего ее притязаниям уровня развития науки, техники и, конечно же, производства. Именно на заводах Германии (и не только Германии) ковался тот самый «германский меч», с помощью которого фашисты надеялись установить свою гегемонию в мире. Поэтому экономика гитлеровской Германии, ее развитие и жизнеспособность были объектом изучения, острой критики либо, напротив, приводились как пример грамотной организации. В настоящей работе мы решили исследовать экономические отношения, закрепленные конституционным правом фашистской Германии.

Российский ученый Н. С. Бондарь пишет: «Экономические отношения представляют собой важную сферу конституционного регулирования, а экономическое развитие общества естественным образом становится конституционной проблемой»¹. Одним из инструментов для изучения конституционно-правовой основы экономики служит концепция экономической конституции. Данная концепция, как и само понятие экономической конституции, рассматриваются в работе Г. Н. Андреевой², а также в статье Ж. Ж. Билаловой³. Указанные авторы выделяют экономическую конституцию в социологическом смысле (исследуется главным образом социальная составляющая экономической конституции), в экономическом смысле (включает текущее состояние национальной экономики, экономическую модель экономики (рыночную либо плановую), нормы, которые издает законодатель для поддержания экономического порядка) и в правовом смысле (под ней понимают: 1) правовые нормы, обеспечивающие деятельность и управление в экономической сфере; 2) правовые положения об экономике, включенные в текст конституции).

По словам Ж. Ж. Билаловой, ряд исследователей считают, что экономическая конституция существует в любом государстве, где имеется экономический порядок. Сторонники широкой трактовки понятия конституции («реальной конституции») как определенной организации государства независимо от наличия в нем формальной (писаной)

* Марченко Алексей Николаевич — аспирант кафедры конституционного права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (Жердевка, Тамбовская обл.). E-mail: alexey_ctk@mail.ru.

конституции так же широко трактуют понятие экономической конституции, рассматривая ее как систему реальных отношений в сфере общественного производства. Однако Ф. Бем указывал, что «экономическая конституция — понятие о правовых нормах»⁴, т. е. экономическая конституция есть лишь в государствах, которые с помощью правовых норм регулируют экономическую сферу.

Итак, понятие «экономическая конституция» используется в формальном и материальном смысле. В формальном смысле это закон или группа законов государства, обладающих высшей юридической силой, содержащих нормы, регулирующие экономические отношения. В материальном смысле это нормы не только конституционного уровня, но и других правовых актов, закрепляющих положения, значимые для экономических отношений (например, нормы гражданского законодательства).

В российской юридической литературе под экономической конституцией понимают проникнутую внутренним единством совокупность конституционных положений, устанавливающих принципиальные нормы в сфере предпринимательства⁵. Испанский исследователь А. Торрес дель Мораль, характеризуя соответствующие нормы Конституции Испании, относил их к «совокупности предписаний относительно экономической материи, которые образуют то, что обычно называется экономической конституцией»⁶.

Основываясь на идеях перечисленных авторов, мы определяем экономическую конституцию как совокупность норм конституционного права, закрепляющих и регулирующих основные черты экономической системы, хозяйственной организации общества, отношений по поводу средств производства, создания и распределения материальных благ. Несомненно, экономическая конституция является системой норм, регулирующих экономические отношения в рамках государственного строя.

Помимо понятия экономической конституции мы будем использовать термин «конституционная модель экономики». Г. Н. Андреева конституционной моделью экономики считает определенный относительно однородный набор институтов, инструментов и их интерпретаций, который применяется в рамках рыночной, социалистической и переходных экономических моделей для их конституционного оформления⁷. Большинство зарубежных авторов под моделью понимают совокупность характерных черт конкретной конституции⁸. Говоря о конституционной модели экономики нацистской Германии, мы будем подразумевать под ней совокупность важнейших черт, принципов и признаков экономической конституции Третьего рейха.

Одним из первых пытался понять экономическую конституцию и суть финансово-промышленной формации рейха Фридрих Август фон Хайек. В книге «Дорога к рабству», впервые изданной в 1944 г., Хайек презюмировал, что экономический строй фашистской Германии есть не что иное, как порождение социалистического мировоззрения, требующего введения централизованного командного планирования и максимально возможного обобществления средств производства: ученый считал, что распространение в донацистской Германии социалистических идей привело страну к фашистской диктатуре. Объясняя конфликт между нацистами и социалистами-марксистами, Хайек называл правый социализм «консервативным» или «религиозным»⁹.

По Хайеку, национал-социализм противопоставлен экономическому либерализму, основанному на неприкосновенности частной собственности, индивидуализме, нерегулируемом рынке, «конкурентном порядке», и является по своей экономической сущности социализмом с наличием планово-командной системы регулирования. Хайек категорически протестовал против того, чтобы понимать национал-социалистическую революцию как капиталистическую реакцию на возможное наступление социализма, рост рабочих, политических и профсоюзных движений. Он утверждал, что «как раз поддержка со стороны социалистов и привела сторонников этих идей (нацистских идей. — А. М.) к власти. И не при помощи буржуазии они получили власть, а скорее в силу отсутствия крепкой буржуазии»¹⁰. Значит, Веймарская республика погибла не в результате «сгово-

ра элит», а вследствие образования «союза левых и правых антикапиталистических сил, своеобразного сплава радикального и консервативного социализма, который и искоренил в Германии все проявления либерализма»¹¹. В свете изложенного представляется бесспорным, что Хайек считал экономико-хозяйственную формацию Третьего рейха формацией социалистической.

В обоснование своих утверждений ученый называл значительный список лиц, означенных как социалисты различных направлений, которые позднее изменили свои убеждения на национал-социалистические, при этом их взгляды на оптимальную хозяйственную организацию государства не претерпели значительных изменений, что указывает на «идейную близость» левого и правого радикализма. Среди таких персон Хайек перечислял Вернера Зомбарта, автора книги «Торгаши и герои», Иоганна Пленге, Фридриха Науманна, Пауля Ленша, представителя левого крыла социал-демократической партии в рейхстаге. Освальд Шпенглер, наряду с Артуром ванн ден Бруком, назван «творцом национал-социализма». По мнению Хайека, всех упомянутых людей объединяет приверженность «прусскому духу», которая подразумевает, что «каждый должен быть официальным лицом, находящимся на жалованье у государства. В частности, управление любой собственностью осуществляют только государственные уполномоченные. Тем самым государство будущего — это государство чиновников»¹². Автор утверждал, что социалисты поддерживали немецкую военную экономику как оплот «прусского духа» против «коммерческой» культуры Англии, основанной на идеях Великой французской революции — идеях свободы, равенства и братства. Очевидно, что Хайек, признавая социалистическую сущность экономической формации гитлеровской Германии, присоединялся к исследователям¹³, видящим социальную сущность нацизма в его крайней враждебности к промышленно-финансовой элите, практически возводящим стену между высшей социальной стратой и фашизмом¹⁴.

В наше время взгляды Хайека на экономическую составляющую национал-социализма подверг анализу американский ученый Дж. Баркли Россер¹⁵, в его статье ответу на вопрос, был ли национал-социализм действительно социализмом, посвящен отдельный параграф. Ученый показывает, что существуют доказательства того, что нацизм имеет «социалистические корни». Одно из них заключается в том, что нацистская партия официально именовала себя социалистической (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия — NSDAP). Нацистская экономическая система, по словам Баркли Россера, многим напоминала административно-командную систему хозяйства СССР в период диктатуры Сталина: у этих стран экономика была так или иначе централизована, присутствовала репрессивная политическая диктатура, готовая уничтожить массы людей по идеологическим и политическим соображениям, в общественное сознание внедрялись идеалы коллективизма, а не индивидуализма.

Однако между нацизмом и социализмом были и отличия. Наиболее важным из них, говорит Баркли Россер, является принципиально различный подход к вопросу о собственности на средства производства, ведь сам Хайек включал национализацию средств производства в число необходимых элементов социализма. В то время как в СССР происходило обобществление средств производства, а покушение частных лиц на приобретение или овладение средствами производства рассматривалось как посягательство на основы социалистического государства, в нацистской Германии дела обстояли иначе. Известно, что крупная фракция нацистской партии требовала полной «отмены процентного рабства» и земельной ренты. По словам Конрада Гейдена, имеются многочисленные свидетельства того, что нацистское правительство поддерживало частную собственность, в особенности крупную. Например, ввиду крайне бедственного положения германского крестьянства процентная ставка по займам для развития сельского хозяйства была снижена, но только до 4,5 %. Зато предложения о конфискации юнкерских

имений, большинство из которых фактически являлись банкротами, по свидетельству того же Гейдена, не имели успеха.

В связи с этим Баркли Россер приходит к выводу, что официальная доктрина нацистской партии была доктриной корпоративного государства, в котором конфликты классов будут приглушены для достижения национальных целей, а отрасли промышленности будут объединены в картель, но это не отвечало ожиданиям сторонников малого бизнеса в стане Гитлера. Следовательно, нацистскую Германию можно охарактеризовать скорее как «командный капитализм», а не как реальный социализм с командно-плановой экономикой.

Баркли Россер объясняет позицию Хайека по вопросу о социалистической сущности нацизма опасениями относительно госвмешательства в экономику, которое якобы неизбежно ведет к диктатуре. По словам Россера, основным аргументом Хайека в пользу «социалистических корней» национал-социализма стало его утверждение о том, что ключевые элементы экономической системы нацистской тоталитарной диктатуры были заложены политикой картелизации и монополизации, проводившейся еще Бисмарком¹⁶; для большей убедительности Хайек отмечал, что в 1928 г. в Германии правительство контролировало напрямую больше 53 % национального дохода, а косвенно — всю экономическую жизнь нации. При таких обстоятельствах, по словам Хайека, не оставалось индивидуальной цели, достижение которой не ставилось бы в зависимость от деятельности государства, и общественная шкала ценностей, направляющая и регулирующая деятельность государства, должна была учитывать все индивидуальные нужды¹⁷. Поскольку не может быть постоянного согласия относительно такой шкалы ценностей, то компромисс достигается должностными лицами, которые будут управлять системой в антидемократической манере. Это и есть, по существу, основной и самый веский аргумент Хайека.

В свою очередь марксисты разработали собственные оценки нацизма и его экономической системы. Классическое определение фашизма дал Г. М. Димитров на VII конгрессе Коминтерна. Димитров утверждал: «Фашизм появляется как одна из реакций буржуазии на диктатуру пролетариата. Неудивительно, что на своей родине, в Италии, фашистское движение сразу же приняло антикоммунистический характер, развившийся в воинствующий антикоммунизм. При всей пестроте и сложности классового состава фашистского движения определяющим является его антипролетарский характер. Фашизм есть непосредственная реакция всего антипролетарского фронта на надвигающуюся социалистическую революцию в условиях развала или кризиса буржуазного государства, разброда в господствующем классе, социальной истерии во всех слоях общества. По своей социальной природе фашизм есть не что иное, как превентивная контрреволюция, имеющая своей целью не только предотвратить надвигающуюся социалистическую революцию, но и увести массы в сторону от борьбы за социализм под псевдосоциалистическими и шовинистическими лозунгами. Установление фашизма представляет собой коренной переворот, приводящий к полному и окончательному уничтожению буржуазной демократии самой буржуазией, поскольку социальная база ее диктатуры распалась. Приход фашизма к власти — это не обыкновенная замена одного буржуазного правительства другим, а смена одной государственной формы классового господства буржуазии — буржуазной демократии — другой его формой — открытой террористической диктатурой»¹⁸. Итак, Димитров считал фашизм и его разновидность (нацизм) открытой террористической диктатурой буржуазии, отличающейся от другой формы господства буржуазии — буржуазной парламентской демократии.

Советские ученые — современники нацизма указывали, что при наступлении империалистической фазы развития капитализма могущественная буржуазия стремится «разорвать пути» буржуазной законности, которая теперь лишь стесняет ее. Например, в «Юридическом словаре» под редакцией С. Н. Братуся говорится: «В период импе-

риализма, а особенно в условиях общего кризиса капитализма, обострения классовой борьбы в лагере империализма, роста национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах, буржуазия, выбрасывая знамя буржуазно-демократических свобод за борт, отказывается от собственной же законности не только при особо острых для нее обстоятельствах, но и при „нормальных“ условиях. В. И. Ленин еще в 1911 году отметил этот процесс ломки буржуазной законности. „Эпоха использования созданной буржуазией законности сменяется эпохой величайших революционных битв, причем битвы эти по сути дела будут разрушением всей буржуазной законности, всего буржуазного строя, а по форме должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимую законности!“¹⁹.

Советская правовая наука утверждала, что «в условиях империализма буржуазное государство совершает поворот от буржуазной демократии к реакции, произвол и террористические методы расправы с революционерами и прогрессивными деятелями становятся обычным, „нормальным“ способом обеспечения господства империалистической буржуазии, так как она уже не способна удерживать свое господство методами буржуазной демократии»²⁰. На широкое применение крупной буржуазией насильственных незаконных методов борьбы со своими противниками, в частности с рабочим движением, указывал Эрнст Генри в книге «Профессиональный антикоммунизм». Повторяя тезис Димитрова о фашизме как диктатуре империалистического капитала, советские исследователи утверждали: «Фашизм возникает в условиях общего кризиса капитализма, охватывающего как экономику, так и политику и характеризующегося крайним обострением всех противоречий капиталистического строя... фашизм является признаком слабости буржуазии, ее неспособности удерживать далее свое господство старыми методами — методами парламентаризма и буржуазной демократии... Фашистское государство представляет собой не новый тип государства, а лишь наиболее реакционную и опасную террористическую разновидность буржуазного типа государства периода империализма, имеющую целью установить господство самой реакционной части буржуазии, упрочить эксплуатацию человека человеком...»²¹ Итак, советская наука определяла экономическую систему Третьего рейха как *империалистическую буржуазную формацию*, диктатуру монополистического капитала.

Таким образом, обозначились три основные парадигмы, на которых может быть основано изучение экономической конституции и экономики фашистской Германии: одни ученые воспринимают экономику Германии как административно-командную систему, подобную плановому хозяйству СССР; другие понимают хозяйство Третьего рейха как «командный капитализм», т. е. основанный на идеях корпоративизма строй с частной собственностью на средства производства; третьи исходят из того, что поскольку нацизм есть диктатура монополий и реальная политическая власть принадлежит этим монополиям, то экономическая формация гитлеровской Германии есть буржуазная формация на империалистической стадии развития капитализма, где внутренняя и внешняя политика государства направлена на обеспечение максимальной прибыли крупных капиталистов «путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем систематического ограбления народов других стран, путем войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей»²².

Для уяснения подлинной сущности конституционной модели экономики фашистской Германии следует определить, какие понятия и взгляды являются общими для названных подходов и в чем состоят отличия.

Общим выступает признание факта картелизации и монополизации финансовой и промышленной сферы экономики Третьего рейха. Так, Хайек говорил о том, что со времен Бисмарка вследствие политики протекционизма в Германии создавались основы экономики нацистской Германии путем картелизации и монополизации хозяйства. Баркли Россер определил модель экономики гитлеровской Германии как «командный

капитализм», корпоративное государство, в котором отрасли промышленности объединены в картель. Советская школа связывала нацизм и его экономическую систему с высочайшим уровнем концентрации капитала, диктатурой монополий, их реальной политической властью.

Вместе с тем мнения ученых относительно взаимоотношений этих монополий между собой и с государством расходятся. Хайек определял национал-социалистический строй как «чистый коллективизм, свободный от малейшего налета индивидуалистической традиции»²³, что заставляет нас думать об интерпретации ученым нацизма как социалистического экономического строя. Но в гл. XII «Социалистические корни нацизма» книги «Дорога к рабству» автор сосредоточился не на изучении экономического строя или конституционной модели экономики Третьего рейха, а на просоциалистическом настрое общественного мнения как предпосылке прихода Гитлера к власти; анализа характера взаимоотношений между картелями и госорганами нет. Однако поскольку Хайек говорил о социалистической сущности нацизма, мы можем заключить, что, вероятно, он отводил главное место в экономическом строе Германии государственным чиновникам и их директивам. Баркли Россер, видимо, тоже выводил на первый план государственных чиновников, ибо только с помощью административного аппарата можно создать корпоративное государство, приглушить классовую борьбу, объединить промышленность в картели. Советская наука во главу ставила капиталистические корпорации и их интересы, но, к сожалению, не уделяла достаточно внимания исследованию специфики экономической системы нацистского государства, рассматривая его как разновидность буржуазного государства, наряду со странами буржуазно-демократического лагеря. Однако огромную роль госструктур в экономической системе донацистской Германии подчеркивал В. И. Ленин, который указывал, что в Германии было достигнуто соединение «гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма»²⁴. Очевидно, подобное сращение хозяйственных и государственных структур характерно и для Германии 1933–1945 гг.

Рассматривая вопрос о конституционной модели экономики гитлеровской Германии, невозможно обойти вниманием Закон от 27 февраля 1934 г. «О подготовке органического построения народного хозяйства». Этот Закон закреплял единоначалие в промышленности («принцип фюрера») и объединение хозяйствующих субъектов в картели, предписывалось образование хозяйственных объединений, становившихся единственными представителями соответствующих отраслей хозяйства Германии. Все отрасли хозяйства были разделены на «имперские группы», которых сначала было 12, а затем их число сократилось до шести: промышленность, банки, торговля, страхование, энергетика, ремесленное производство. Но предприятия остались в частной собственности их владельцев, более того, в соответствии с Законом «О порядке национального труда» 1934 г. они были объявлены «фюрерами» предприятий, им предоставлялось право определения условий труда, увольнения, наложения штрафов. Конфликты между рабочими и владельцами предприятий разрешались специализированными государственными органами. Нужно помнить, что идеологи и теоретики нацистской экономики придерживались концепции «третьего пути», или «третьей позиции», согласно которой «преобладающий путь мирового экономического и политического развития лежит между капитализмом и социализмом»²⁵.

Таким образом, феномен экономической организации нацистского государства не может быть сведен исключительно к социалистической формации, тем более не может быть понят как следствие обобществления производства на эгалитарных началах. Вместе с тем нельзя рассматривать нацистскую экономику как диктатуру владельцев крупного капитала, ведь политическая власть, основанная на экономическом влиянии, присуща только государствам, где действует *буржуазная законность*. Буржуазная, или

либеральная, законность отличается от законности, присущей обществам, строй которых, соглашаясь с А. де Токвилем, можно определить как Старый порядок.

К. Маркс говорил о трех качественных типах общественных отношений в истории, основанных на типе социальной связи между людьми: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность труда развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на *вещной* зависимости, — такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, — такова третья ступень»²⁶. Очевидно, что Маркс под общественными формациями, в основе которых лежали отношения личной зависимости, понимал общества всей добуржуазной эпохи. Личная зависимость предполагает возможность применения по отношению к индивидам насилия по «праву сильного».

В свою очередь О. Л. Богинич называет два типа права: «право силы», или «право неравных», и «право формального равенства»²⁷. «Право силы» не признает равенства субъектов общественных отношений и способствует навязыванию своей воли другим. Оно зародилось в догосударственную эпоху, когда вожди и члены совета старейшин родоплеменной общины пользовались преимуществами своего статуса перед другими представителями племени. В. И. Сергеевич говорил, что обычное право с самого начала было «правом сильного»²⁸. С точки зрения С. С. Алексеева, указанная форма права есть доцивилизационная стадия права, сущность которой состоит в том, что право принадлежит просто сильному, отражает относительно доцивилизационных порядков присущие им иерархические основы и выступает в виде упорядочивающего и стабилизирующего фактора²⁹. Французский антрополог права Н. Рулан утверждает, что агрессивность как производная от «права силы» форма поведения имеет целью поддержку социальной иерархии в обществе: в случае противостояния более сильный или тот, кто занимает высшую ступень в общественной иерархии, принуждает более слабого или того, кто стоит на более низкой ступени, повиноваться и вести себя в соответствии со своим более низким статусом³⁰.

«Право неравных», по словам О. Л. Богинич, в открытой форме существовало на протяжении достаточно длинного исторического периода: эпохи рабовладельческого строя, феодализма, капитализма (в период первоначального накопления капитала). С развитием капиталистических отношений все более и более возрастала роль обмена продуктами производства, где «основанием присвоения материальных благ было уже не осуществление „права силы“ в открытой форме, а признание другого субъекта равным себе и получение от него определенного продукта не на условиях насилия, а на условиях обмена между равными субъектами»³¹. Доминантным в системе общественных отношений стало «право формального равенства».

При действии «права неравных» отсутствуют законодательно закрепленные и фактически охраняемые силами государства права и свободы человека, такие как неприкосновенность личности и собственности, не развита система цивилизованного разрешения споров. Например, судебный порядок урегулирования споров на основе современного гражданского законодательства характеризует общество как основанное на принципе формального равенства, а разрешение конфликтов с помощью судебного поединка по древнескандинавскому праву однозначно указывает на «право сильного» как базу данного общества. «Право сильного» предполагает наличие социальной связи в виде личной, физической зависимости (личнозависимый тип социальной связи). Примерами такой связи могут быть отношения рабовладельца и раба, феодала и крепостного, патрона и клиента.

«Право формального равенства», напротив, предусматривает юридическое равенство по принципу «Все равны перед законом, но не все равны между собой», т. е. закреплено и гарантируется равенство так называемых буржуазных прав и свобод (личных прав, чести, достоинства), но не имущественное равенство. Следовательно, возникает вещная зависимость, в первую очередь зависимость от средств производства и их собственников, в руках которых находятся источники дохода неимущей массы (вещнозависимый тип социальной связи). К. Маркс говорил, что признание личной независимости при сохранении отношений вещной зависимости знаменует собой прогрессивную по сравнению со Старым порядком ступень общественного развития, потому что только на этой ступени «впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций», иными словами, рыночная экономика (Хайек также называл нерегулируемую рыночную экономику «стихийным порядком», наиболее совершенной основой общественного устройства, «которая сохраняется как средство содействия достижению огромного многообразия личных целей»³²). На основе отношений личной зависимости производительность труда развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах, на таком фундаменте, по Марксу, невозможно создать индустриальную капиталистическую экономику.

Два обозначенных типа социальной связи, по нашему мнению, характеризуются различным соотношением сил между группами внутри правящей элиты. Как известно, Ч. Р. Миллс утверждал, что правящая элита развитых стран состоит из: 1) владельцев и руководителей бизнес-корпораций, 2) политической группировки президента, 3) высших государственных (в том числе военных) служащих, все вместе они образуют так называемый «элитный триумвират»³³. Указанный круг лиц связан общими интересами, ценностями, образом жизни, общением. Лица, принадлежащие к «властвующей элите», «занимают в социальной системе стратегические командные пункты, в которых сосредоточены действенные средства, обеспечивающие власть, богатство и известность». Высокая степень сплоченности «властвующей элиты» делает ее самой организованной частью населения, доминирующей над остальной массой³⁴.

При буржуазно-демократическом режиме, характеризуемом вещнозависимым типом социальной связи, защитой личных прав и свобод, неприкосновенностью собственности и невмешательством государства в дела частного предпринимательства, представители государственной власти и силовых структур ограничены законом и не могут оказывать давление на бизнес-элилу. В свою очередь бизнес-элилу свободна в распоряжении своей прибылью и своим капиталом, что позволяет ей поддерживать и финансировать свое лобби в структурах законодательной, исполнительной и судебной власти. Поэтому политолог М. Юсим для описания правящей элиты таких демократических государств, как США и Великобритания, ввел термин «внутренний круг» власти, в который входят лидеры бизнеса, поддерживающие систематические контакты друг с другом и с политическими лидерами. Важнейшие государственные решения принимаются в пределах этого «внутреннего круга», главным образом в рамках таких неофициальных форм общения, как общественные клубы, светские приемы и т. д., а затем проводятся через официальные структуры власти. Таким образом, бизнесмены получают доступ к власти, а политики — к источникам финансирования своей деятельности³⁵. Следовательно, в рамках «властвующей элиты» лидеры бизнеса обладают максимальным влиянием, поскольку физическая зависимость предпринимателей от государственных структур исключена конституционным законом, а представители государственной власти нуждаются в средствах для политической деятельности, удовлетворения личных нужд, а также зачастую в капитале для бизнеса, которым они занимаются лично либо через членов своих семей. Именно поэтому советская наука строго придерживалась трактовки буржуазного государства как служащего исключительно интересам капитала³⁶.

Иная ситуация складывается в обществе, основанном на личностнозависимом типе социальной связи. Очевидно, что для такого общества характерно присвоение материальных благ путем применения «права силы» в открытой форме. Более того, самым значимым, хотя и не единственным, средством власти выступает физическое насилие или физическое принуждение, перед угрозой которого отступает подавляющее большинство индивидов. Эффективность физического принуждения определяется тем, что его объектом выступает телесная оболочка человека, его ткани, а главными последствиями применения являются телесные повреждения и смерть³⁷. В связи с этим «вплоть до середины XX века политическая власть в различных обществах реализовывалась главным образом в форме абсолютного доминирования правящего субъекта, а политическое господство полностью совпадало с другими видами господства (экономическим, социальным, духовным и так далее)»³⁸. Здесь расстановка сил в рамках «властвующей элиты» почти всегда в пользу носителей государственной власти: монархов, диктаторов, хунты.

Итак, буржуазно-демократическое государство есть тип государства, в котором присутствует личная независимость (под которой понимаются гарантии неприкосновенности личности и собственности, обеспеченные государством, которое обладает монополией на насилие, но исключительно в соответствии с принципами либеральной правозаконности), а общественные отношения основаны на *вещной зависимости* или, другими словами, экономической зависимости индивидов. Общеизвестно, что нацистское государство, будучи тоталитарным, не предоставляло никаких гарантий личной независимости и неприкосновенности частной собственности, напротив, проводило экспроприацию имущества как у групп населения (например, евреев), так и у отдельных лиц (в частности, у Фрица Тиссена). Третий рейх был государством, основанным на физическом насилии и *физической зависимости* населения от партийно-государственных структур, пользовавшихся абсолютной властью.

Мы считаем, что экономическая конституция рейха опиралась на элитарное миропонимание, свойственное фашизму вообще. Это миропонимание предполагает, что власть и рычаги управления важнейшими общественными процессами должны находиться в руках у малочисленной элиты во главе с единоличным правителем — фюрером. В элиту нацистского государства вошли представители как партийных и силовых структур, так и крупного бизнеса, но власть была сосредоточена в руках централизованного государственного аппарата, главенствующую роль в котором играла нацистская партия под руководством Гитлера; неповиновение грозило «капитанам индустрии» потерей не только капиталов, но и личных прав.

Следовательно, уникальность нацистского государства состоит в том, что его высокоразвитая индустрия, огромный экономический, научно-технический и военный потенциал были созданы в условиях реставрации и культивирования отношений насилия, ликвидации буржуазных прав и свобод, законности. Если до появления режимов тоталитарного типа не существовало обществ, где развитое капиталистическое хозяйство соседствовало с отсутствием либеральных свобод и широким вмешательством госструктур в предпринимательскую деятельность, то теперь появился особый тип государств, отличных как от стран демократического лагеря, так и от докапиталистических обществ. По нашему мнению, при исследовании Третьего рейха, в частности его экономической конституции, в первую очередь надлежит рассматривать гитлеровскую Германию как феномен существования высокоорганизованного индустриального общества, основанного на личностнозависимом типе социальной связи между людьми.

¹ Бондарь Н. С. Экономическое развитие общества (в контексте решений Конституционного Суда РФ) // Закон. 2006. № 11. С. 34.

² Андреева Г. Н. К вопросу о понятии экономической конституции // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7.

³ *Билалова Ж. Ж.* Концепция «экономической конституции» и ее практическая значимость // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 8.

⁴ Цит. по: *Билалова Ж. Ж.* Указ. соч. С. 3.

⁵ *Гаджиев Г. А.* Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации. М., 1995. С. 8.

⁶ Цит. по: *Андреева Г. Н.* К вопросу о понятии экономической конституции. С. 11.

⁷ *Андреева Г. Н.* Экономическая конституция в зарубежных странах. М., 2006. С. 129.

⁸ *Билалова Ж. Ж.* Указ. соч. С. 8.

⁹ *Хайек Ф. А.* Дорога к рабству. М., 2005. С. 179.

¹⁰ Там же. С. 168.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 176.

¹³ К таким исследователям относится, например, С. М. Липсет, который пытался дать социологический анализ феномена фашизма (*Lipset S. M. Political man. L., 1960*). Липсет утверждал, что социальный слой (Липсет насчитывал три крупных социальных страты: низшую, среднюю и высшую) имеет как демократическое, так и тоталитарное политическое выражение. По его мнению, фашизм – порождение средней, но не высшей социальной страты.

¹⁴ Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М., 1980. С. 971.

¹⁵ *Rosser Barkley J. Jr. The Road to Serfdom and the world economy: 60 years later // European Journal of Political Economy. 2005. Vol. 21. Is. 4. P. 1012–1025.*

¹⁶ *Хайек Ф. А.* Дорога к рабству. С. 173.

¹⁷ Там же. С. 80.

¹⁸ *Димитров Г.* Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического интернационала. Политический отчет ЦК БРП(к) V съезду партии. М., 1958. С. 8.

¹⁹ Юридический словарь / под ред. С. Н. Братуся. М., 1953. С. 48.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 735.

²² Там же.

²³ *Хайек Ф. А.* Дорога к рабству. С. 167.

²⁴ Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: в 6 т. Т. 1. М., 1960. С. 21.

²⁵ *Brinkmann C. Weltpolitik und Weltwirtschaft der neusten Zeit. Berlin, 1936. S. 93–94.*

²⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. 2-е изд. Т. 46. М., 1983. С. 100–101.

²⁷ *Богинич О. Л.* Генезис права как права силы // Рос. юрид. журн. 2010. № 5. С. 29–33.

²⁸ *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. М., 2004. С. 7. См. также: *Богинич О. Л.* Указ. соч. С. 32.

²⁹ *Алексеев С. С.* Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 297–298.

³⁰ *Рулан Н.* Юридическая антропология. М., 1999. С. 150.

³¹ *Богинич О. Л.* Указ. соч. С. 31.

³² *Хайек Ф. А.* Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов и политики. М., 2006. С. 173.

³³ *Миллс Ч. Р.* Властвующая элита. М., 1959. С. 31.

³⁴ *Ирхин Ю. В.* Политические элиты вчера, сегодня, завтра // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 84.

³⁵ Там же.

³⁶ Юридический словарь. С. 48–51.

³⁷ *Ткаченко В. И.* Насилие, не опасное и опасное для жизни и здоровья, как уголовно-правовая категория // Государство и право. 1992. № 12. С. 72.

³⁸ *Залысин И. Ю.* Политическое насилие в системе власти // Социально-полит. журн. 1995. № 3. С. 93–95.